

Vysheslav Filevsky

Силонебие

Vysheslav Filevsky

Силонебие

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42572642

ISBN 9785449678737

Аннотация

«Силонебие» – повесть о кратком правлении бразильского ангела в России. Повествование от лица ангела. Поэтому необычно, раздражительно всё: мировоззрение, отношение ко многим сторонам земного бытия, церкви в том числе. Карикатура на жизнь. В России предреволюционное положение. Ангелу попускается временно властвовать, чтобы народ понял божественность предыдущего правления, перестал протестовать и умолил толстосумов продолжить давить, обирать и дурачить его. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Vysheslav Filevsky	5
Сон Первый. Введение: челобитие	7
Сон Второй. В Зале заседаний	10
Первое междусоние. Мандариновый рассвет	14
Сон Третий. Жильё	15
Второе междусоние	19
Сон четвёртый. Ваганьковское кладбище	20
Сон пятый. Выступление в Госдуме	23
Третье междусоние	28
За неделю до Воскресенья	29
Сон шестой. Дальноглядная проповедь	32
Сон седьмой, о чайнике	37
Сон Восьмой. Новогюзов с булочкой	41
Четвёртое междусоние. Изнанка Творца	45
Пятое междусоние. Разговор душ	46
Сон Девятый, под страстную пятницу	48
Шестое междусоние. Жезус умирал	50
Сон Десятый. Дела заебуки. ские	52
Седьмое междусоние	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Силонебие

Vysheslav Filevsky

© Vysheslav Filevsky, 2019

ISBN 978-5-4496-7873-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Vysheslav Filevsky

Повесть в тридцати трёх снах,
пятнадцати междусониях и заключительном безумии

Belo Horizonte 2019

Посвящается

Владимиру Александровичу Зеленскому

Действующие лица:

Нёцарь – ангел, пенсионер, временный правитель России

Режина – жена его, подданная Бразилии

Трактин – президент Российской Федерации бывший
и будущий

Михалягин – председатель правительства при Нёцаре

Уйшог – генерал, руководитель военного ведомства при
всех царях

Ушьев – новый денежник

Гиезий Адрианович Новогюзов – председатель КПРФ

Круглый – председатель Государственной Думы

Жезус-из-Назарета – дух Земли

Святая Лузия, дух в Сидаджи Нова в Белу-Оризонти

Патриарх

Жовтовский – президент Украины

Супруга Жовтовского

Владелец аэропорта «Киев»

Таня – секретарь Нёцаря, офицер ФСБ

Пузан – мастер на Ваганьковском кладбище и прочие;

чиновники, дипломаты, военнослужащие России и Укра-

ины, полицейские, шпана, обыватели.

XXI век. Действие происходит в России и Украине.

Понятия:

Присносущее, великое Непостижимое, Всевышнее, Пред-
вечное,

Присносущее, Провидение, Мировой Дух – обозначения
Творца сущего

Взрывное обстояние – революция

Силонебие – вид государства, устанавливавшийся Нёца-
рем

Все события вымышлены. Созданные образы не являются
портретами ныне здравствующих общественных деятелей.
Совпадения – случайны.

Примечание: автор старается избегать иностранных слов
в повествовании.

Сон Первый. Введение: челобитие

Терпеть не могу помехи в обеде. Всегда кратко ругаюсь матом. Это более неприятно, чем прерывание молитвы в храме. Там – встал, поздоровался со священником или другом, не выходя из благоговейного состояния, и – опять за своё...

Главное в обеде – рис и фасоль... Я уже давно утратил русские склонности в еде. В жареных котлетах с картошкой не только не нуждаюсь, но употребил бы их разве что с большого голоду или по принуждению...

«Кто звонит в дверь? Что им нужно?»

В одних трусах. Про себя ругаюсь и извиняюсь. Оделся. Выхожу в залу мрачный, обиженный, возмущённый. «Дух благодати я, вот кто. По-вашему, в смысле, по-гречески – ангел. Вы вообще соображаете, куда пришли?!..»

Определённо, соображают не вполне. Трое. Одна женщина. Это приятно. Люблю молодых бразильянок. Не поймите неправильно. В пожилом возрасте люди утрачивают чувства. В Бразилии это воспринимается особенно тяжело. Потому что молодые бразильские женщины куда теплее и душевнее русских. Потом быстрое и страшное преобразование... Самое неприятное – скорость. Куда всё девается?.. И вот, церковь полна усечённых в чувствах бабушек. Не понимаю, что они там делают... Зачем?..

Её звать Розанжела. Встречал в Интернете. Около сорока. Пока не разнесло. Невысокая. На плече что-то нарисовала, дурочка. Улыбается. Они все улыбаются. Ещё за этим что-то бы стояло. Ничего, всё равно приятно. И голос мягенький. Так бы закрыл глаза и ласкался с ним, как с котёнком. Интересно, кому она мяукает. Козёл какой-нибудь.

Розанжела – консул почётного консульства. Это такое учреждение, которое есть в Интернете, но в жизни не существует. И настолько, что я не уверен, что существует и сама Розанжела. В Японии наловчились делать роботов. Может быть, уже и таких, что появляются, когда надо и, когда надо, исчезают. Это – точно Розанжела.

– Да, я знаю. Видел. Здравствуйте. —

Про то, что видеть приятно, врать не стал. Перебьётся. Мне от неё ничего не нужно. А когда будет нужно – не сделает: нет её потому что на самом деле.

– А это... —

Мордатый русский из Рио-де-Жанейро. Ничего не могу сказать. За шиворот он мне пока не насрал. Но уверен, что при случае сделает. Потому что консульства за рубежом не защищают не только интересов, а и прав граждан. Даже самых законных. Враньё. Не хочу писать, как тут надо мной издеваются. Я этой дурочке Розанжеле пожаловался. Меня иудейский бог скорее бы услышал. Тьфу. Бесстыжие. Хотя, что я – её же нет на самом деле.

– А это... —

Тоже не голодает. Кризис у них, видишь ли. Седоватый. Круглый. Жук. Я его знаю. Читал. Любит под коврами в Кремле ползать... Пыльно там, как не выбивай. Мне было бы противно. А он ползает. Хрен с ним. Из Москвы припёрся. Надо говорить. На народные ведь денежки. Мои, то есть, тоже.

Я – гражданин РФ, прилежный налогоплательщик. Нравится государство или нет – одно. Налоги – другое. Должен быть порядок. Хотя у них всё равно нету порядка. Фокусники. Деньги пропадают из-под рук. Особо в ведомстве Зои Букиной. Потом появляются где-то ещё. «Иосиф Виссарионович, заспался-а-а. Пора! Все петухи прокукарекали.» ... Только петухов давно съели, чтоб не будили, кого не выгодно. – Беда.

– Челом приехали бить. —

Мне всё равно. Делайте, что хотите. Мне от вас никакой пользы. Зла бы не было... Гóловы только Круглый с Мордастым наклонили. Розанжела не низошла...

Зажрались. Кто ж так бьёт? Молчу. Дальше слушаю. —

– По решению Государственной Думы приглашаем Вас стать Президентом Российской Федерации. —

В этом месте я не мог не проснуться. Вспомнил их маму. По большому счёту она у них у всех одна. Пошёл в уборную. Я всегда делаю это по утрам, и легко, как птичка: ррраз! – И целый день потом заботы не знаю – свободен.

Сон Второй. В Зале заседаний

Москва, Кремль. «Занесло, бл. дь. Осиное гнездо». Стою, как Винни-Пух, в середине дупла. А они жужжат, жужжат. Про то, что тучка, не пою. Они знают, кто я. Одежу покупать ради ос не стал. В чём есть.

Отец-покойник приучил одеваться скромно, но прилично. Подтянутым быть. У меня есть пиджак, двое брюк и много галстуков. После отца не стал выбрасывать. Плачу, когда вижу в шкафу. Я отца очень люблю. Умер – это для кого-то ещё. Я не тупой. Ботиночки литовские, тоже отца. Советские, в смысле. Тридцать лет уж, как республики той нет, а ботиночки целые. Хорошо хватчики работали. Буржуи не годятся в подмётки. *На* подмётки – тем более. Хозяйство у них другое. Чтоб всё скорее развалилось и новое покупалось. Это капитализм – Накопительство, по-русски... Правда, в Бразилии ботинки приходится одевать редко: сандалии, тапочки... Да, я в Бразилии ношу тапочки. Русский потому что. Хотя и без русской души. – Ангел я. Розанжела, Круглый и Мордатый знают об этом. Вижу.

Русская душа мешает быть ангелом. Вы можете себе представить ангела с русской душой? Ха-ха! Я – нет... Попа? Вы серьёзно? – Он же врун или сумасшедший. Ангел – скромный, смиренный и правдивый. Скромный, смиренный и правдивый поп... Анекдот, да. Ха-ха-ха-ха. Патриарх?

Этот миллиардер? – Лежу на ковре. Смеюсь и дрыгаю руками и ногами, как большой и неуклюжий жук. Ко мне подбежали и поставили на ноги. Извиняюсь. Тот ещё ангел.

Повели в Зал заседаний. Пятым усадили. Там прямоугольный стол. В меньших краях по девять стульев. В больших – кажется, по пятнадцати. Посреди прямоугольника тумба с цветами. Всё белое, и пол неприятно блестит.

Лампочек-то, лампочек!.. Четыре огромных люстры да шестнадцать помельче... Помню, в начале девяностых в деревне жил. С картошки на воду. Была всего одна лампочка. Десять рублей в месяц набегало. А эта ж сволота сколько жжёт, а? – Подумать страшно. Одну бы киловаттную над тумбой, пониже только. Да каждому местный светильник. Было б довольно. Вы ж ненавидите советскую власть. Она была плюс электрификация. Значит, у вас должен быть минус. Жирным бы вас минусом по бёшкам. Разговор-то об чём?..

Все стулья заняты. Мужики в чёрном. Одна баба в красном. Коммунистка, наверное. Ещё две других. Одна молодая. Подсадили, видать. Круглый мужик, что ко мне в Бразилию приезжал – напротив. – Главный. Он встал и прочистил глотку. Осы стихли.

– Отечество в опасности, – начал Круглый. – Народ страдает... —

Я понимал, ему насрать на народ. Но, видать, за жопу сильно прихватило. Яйца самые прищемило, коли ме-

ня с другой стороны Земли прилетели сюда... Народ, видишь ли, у него страдает. —

Сложилась революционная си... —

Я поднял руку. —

– Уважаемый, коли уж привезли меня да делали вид, что челом били, то давайте по-русски. —

Он заткнулся и вылупился. Прочие тоже лупатыми стали. —

– Взрывное обстояние, – поправил я Круглого.

– Именно, – согласился он. – Мы править не можем. Бросить нажитое жалко. А народ? Жить им уже невмоготу. Хуже бешеных собак стали. Ограбят да спустят. Толку не будет. Все знают. Только побезобразничать да душу отвести.

– Верно, – согласился я. – Нашему человеку главное справедливость. А справедливо – отнять и разделить. —

Собравшиеся загудели и громко заёрзали. —

– Не поняли. Был царь – убили: плохой. Был Ленин, делал – обосрали... —

Женщины зашипели. —

Ничего, – продолжал я. – Черномырдина терпели – и меня переживёте. Потому как в России главное – Мать Земля сырая. И правда поэтому тут матерная. Грубая, жёсткая, то есть. Иначе ни вы, ни народ не поймёте. Вам говно в нос – как нашатырь для потерявшего сознание. —

Бабы затихли. А прочие глядели на меня изучающе, насторожённо, но с интересом. —

Ильича так обгадили, – лепил я своё, – что уж не отмыть память о нём во веки веков, я думаю. Да будет так.

– Не без этого, – покачав головой, согласился Круглый.

– Диктатура была – не понравилось. Перестроились. Свобода жулья – тоже плохо. Что остаётся? —

Собравшиеся безмолвствовали. —

Россия для русских? – Ерунда. Русские – умирающий народ. —

Общее негодование. —

Бля-я-я.ь! – заорал я. Призвали – слушайте: правду говорю. Имею право: я – русский, поняли?! – И повёл головой вокруг, пытаюсь определить, сколько тут русских.

Первое междусоние. Мандариновый рассвет

В этом месте сна я настолько возмутился, что проснулся. Уже светало. Я был естественным человеком – по солнцу встающим, то есть. Пошёл в кладовку и стал чистить мандарину.

Не знаю, как бы поступил в самом деле, коли меня какой дурак поставил во главе государства Российского. Им же всё плохо. Ни к кому и ни к чему уважения нет. К себе, в том числе. Из крайности в крайность. Только ломать... Вот растёт дерево, сообразите. Раз сломали – растёт дальше, жить хочет. Снова не понравилось, как растёт. Ещё раз сломали... Да какое ж растение такое вынесет? Это ж сущая уroda будет, а не дерево. Так ведь оно и есть сейчас. Только срубить да новое посадить. Однако ж Россия не дерево. И птичек чем только не морили. Вот они и странные такие на дереве том. У кого крыло дёргается, у кого башка на бок свёрнута, у кого глаз заплыл, а мозги... Впрочем, мозги – ладно. Совести нет напрочь, вот что. А, главное, лживы очень... С этим и вовсе не знаю, что бы делал...

Мандарина оказалась суховатая. Остатки выплюнул. Разъяснилось. Всяко растение беречь надо. Страну – тем более. Когда берегут? – Когда любят. А когда ломают?... – Вы поняли. Не обижайтесь.

Сон Третий. Жильё

В Москве, пока суть да дело, мы с женой остановились в гостинице «Славянка».

– Без жены не поеду никуда, – заявил я Круглому ещё в Бразилии. Он руками развёл:

– Естественно. —

Я – никто. Кот в мешке. На всякий случай в Домодедово никто и не встречал. Спасибо.

В Интернете с трудом нашёл гостиницу в Москве с русским названием. «Своеобразные люди так называемые русские!» ... «Славянка» – на Суворовской. Три звезды. Двухместный – 145 реалов. По карману.

Ну вот как ими править? Ну да, у меня уже нет русской души. А у них тогда что заместо души? Какая же ненависть к родине моих предков! – Куски сухого гов. а. Копролит. – Это окаменелые испражнения мамонтов в душе каждого, кто не знает.

Ненавидеть язык – значит ненавидеть народ. Они это делают! Придётся тяжко... Зачем оно мне? – Родину люблю, наверное. Поруганную, десятки миллионов раз заё. анную в доску этими, с кусками сухих испражнений... Её можно любить... такую? – Дураки. Любовь у человека не в голове. Любовь в голове у робота... Ну, не в голове, конечно, а там, где у него сгусток управления.

Прилетев, мы не доложились: «Пошли в задницу. Им надо – пусть что хотят, то и делают. Ищут пусть. А мы – хоть сейчас назад. Такой каменюку вешать на шею. И каждый день ждать, что убьют». Однако на следующее утро позвонил первый заместитель Круглого...

Смехатура: у него *два первых заместителя*. Это что?.. Может ли быть, к примеру, две правых руки или четыре указательных пальца на одной руке?.. И ведь так тут у всех в головах. Поэтому страна в ж. пе... Достать Россию из жо. ы... Задача... Сдвоенного заместителя звали Пётр Петрович.

После совещания в Кремле он пытался вызвать меня к себе.

– Нет, уважаемый, – возразил я. – К нам пожалуйста на чай с бубликами. —

Возмущение и протест, хлеставшие у меня из нутра, он не мог не почувствовать. Да, с коммунистом мне легче разговаривать. Накопителей – вообще не понимаю. Марсиане. Пётр Петрович коммунист. Только я не за белых и не за красных. Прошло время. Все одним миром мазаны... Хм, захотели совершенно постороннего человека, человека с сердцем души, горящим любовью к Высшему и сущему... Мгм! Гляди-ка. Сделать, как в Тибете было, что ли? Если по-русски, как лучше сказать: силонэбие или небосилие?.. Далай-ламу нашли себе... Ну-ну.

– Вчера вечером Совет Федерации подтвердил решение Думы: вы возглавите страну, – сообщил Пётр Петрович. –

Нам деваться некуда, хуже не будет. Того гляди головы потрывают с яйцами.

– Молодца, – согласился я. – Достукались. – И представил, что у них головы с яйцами.

– Первое: жильё. —

Об этом я уже думал, пока самолёт тащился над Атлантическим океаном. Больше всего хотелось на Грановского. Да только там огромные квартиры. Можно было бы распорядиться о служебной двушке где-нибудь на Якиманке. Но всё-таки я остановился на Кремле, чтобы избежать дороги на работу. Машиной пользоваться не хочу: дураков на улицах везде хватает. Тем более, любить меня не будут. Кто ж любит ангелов? Поэтому, не мешкая, ответил:

– В Кремле. Только не так, как предыдущий правитель. Пожалуйста сделайте из его жилья скромную трёхкомнатную квартиру: спальня, кухня, уборная и кабинет. Ну и небольшой зал для совещаний... Всё простое. Проще, чем у Ленина. Никаких евроремонтов. Я не евр. И без телевизора.

– Да-а-а, – только и протянул Пётр Петрович и в голове его закрутилась мысль: «А кто такой евр?».

– Пока же идёт ремонт, будьте любезны платить за жильё... э-э-э, я перевёл реалы в рубли... Две пятьсот в день, да?

– Ясно, – ответил пришибленный Пётр Петрович.

– Конец связи. —

Да нет, я не выпендривался, не трахал его. Просто считал само делодохлым. Блажь чья-то. Захотели выбраться из опы? – Будьте любезны. Нет – до свидания. Сидите...

Я не понимал, к чему великое Непостижимое устроило всё это. Оно спасение для *России* или изощрённое духовное испытание *мне?*..

Второе междусоние

Бразилия. Я открыл глаза. Сегодня замешкал. Солнце уже било вдоль города. Оно как бы возжигало его к чему-то новому, светлому и возвышенному.

Мой сердечный огонь во сне был подобен прикрытому бутону... скажем, тюльпана. Сейчас я проснулся – и бутон вспыхнул, раскрывшись... И вот, бутона уже нет. Сердца души тоже нет. На их месте белое пламя... Наконец, исчезла и душа. Телесная оболочка заполнилась пламенем любви...

Жена заставляет пить кофе. Не люблю. Пью потому, что в Бразилии так принято по утрам. Как принято в обед есть рис с фасолью. Пробовал бороться. Но это нарушало семейные отношения. Жена чувствовала свою неполноценность, ненужность. Пью кофе ради мира в семье...

Вообще всё на Земле нелепо. Главное – огонь, который выел мою внутренность. Это – ликование Предвечного. Иду в храм. Он возгорается от меня, как свеча от спички. Святая Лузия улыбается мне. Плачу: это счастье. А ваше счастье в чём? – То-то. Я дурак, да? – Ладно. Все ангелы дураки, поверьте.

Сон четвёртый.

Ваганьковское кладбище

Москва... С утра поехали на Ваганьковское кладбище. В России родственников нет. Семейная могила заросла. Взяли мешки. Рвём. Больно на душе. Лежат тут одни, никто не приходит... Судьба. Не рожали. Почему? – Вопросы о судьбе задавать глупо. Судьбу благо любить. Любую? – Да. Не любите? – Я смеюсь: будет ещё хуже. Благо любить и благодарить за неё великое Непостижимое. А чтобы судьба стала благоприятнее, молить Небо о высшей благодати – возжжении в сердце души огня любви. Пока это не случится, жизнь будет говн. м. Посыпанным сахарной пудрой, бриллиантами или нет – несущественно. У тибетцев есть ряд заклинаний. Делают, чтобы испражнения пахли цветами. По моему, подобным всё человечество занимается, если иметь в виду духовное гов. о. Главное, чтобы пахло розами... Нет, лучше жареной курицей...

Прибравшись на могиле, пошли в «Ритуал». Он у конторы. «Так и так. Лежат одни. По старинке. Зарастает. Родни нет. Сами того и гляди помрём за морем. Надо как следует оборудовать, чтоб лет сто в порядке простояла могилка без ухода».

Мастер носил большое пузо. Болезный, не иначе.

– Поглядим. —

Обмерил. Я подробно рассказал, чего хочу. Согласовали. Вынул прибор. Считает.

– Четыреста пятьдесят тысяч, где-то так. —

«Жулик... А кто в этой стране не жулик? – опроверг я сам себя в сознании своём. – Телесный или духовный... Как править толпой жулья, чтобы они тебя не растерзали? Ведь на лжи и воровстве Россию из. опы не вытянуть... Ну конечно, все хотят, чтобы ложь и воровство остались. А Россия каким-нибудь чудесным образом преобразилась, как Иисус на Масличной горе... Хрена лысого.

О великое Непостижимое, и Ты повеваешь мне вступить на путь сей? Да тут же не ангел потребен, а Ты Само. Неужели Ты хочешь, чтобы я стал Твоими руками?..» – И я ужаснулся этой мысли.

– Ну что ж, – сказал я вслух, – пусть так. Достану деньги – позвоню. Будем работать.

– А достанешь? – засомневался пузан.

– Да.

– Гляди. Как только, так сразу.

Между «Ритуалом» и конторой на железных ногах стояло уведомление в том, что пользоваться услугами иных похоронных учреждений, кроме «Ритуала», чревато сомнительным качеством работ.

Я перевёл жене это высказывание, выругался и засмеялся. Сказка какая-то. Глухой старый лес. Два наивных дурачка – мы с женой, то есть, куда-то пробираемся. А из-за каждо-

го дуба рожа бандитская выглядывает. На опушке надпись: «Российская Федерация приветствует вас»...

Как извести бандитов? Ведь этот лес, что схроны для бандеровцев... Пилить, продать китайцам и всё перепахать? Новым засадить? Чем? Откуда саженцы взять? – Не знаю. А китайцы обрадуются, конечно. Они и так скоро всю Сибирь спилят, если я не вмешаюсь...

Бразилия. Проснулся. Пошёл поссать. Моча была красноватая. Вчера в «Лиссабоне» – это магазин – свёклу по два реала выкинули. Ну мы с женой, не будь дураки, накупили... Люблю варёную свёклу. Опять заснул... А Китай свой китайцы не уродуют, как Россию – дураков нет...

Всевышний, как править дураками? Самому стать дураком? Но тогда Россию не вытащить...

Жена меня осторожно толкала.

– Что?

– Ты храпишь.

Сон пятый. Выступление в Госдуме

Дураки ли русские?..

Думаю, приставлять определения к имени народов – недостойно. Мы все такие, какими нам заповедано быть по воле великого Непостижимого. И никто переделаться не может... Даже, если очевидно, что идём в задницу? – Да! Со знаменем. Гимн! Трубы, литавры, тарелки. Бум-дзынь, бум-дзынь, бум-дзынь... – «Россия встала с колен» ... Ха-ха. Кто думает, что он переделывается – умалишённый.

Охотный Ряд. Государственная Дума. Прохожу мимо ковров, под которыми ползают и грызутся шишки в перерывах между заседаниями. Ждут. Приглашают на трибуну. Свет. Ничего не вижу. Знаю только: зал полон. Ещё бы. Как к ним обратиться? Не товарищи же... Господа? – А хрен вам в задницу.

– Милостивые государи и государыни. Я знаю, вы призвали меня за тот огонь, который я по воле Предвечного ношу в своей груди. Предполагаете, он спасёт страну... Да, правда: огонь моего сердца – подобие Творца мира. —

Священники в негодовании прочищают горла и покидают зал.

– Богохульник! – выкрикивает кто-то из них. —

Пусть вас не смущает исход этих людей, – спокойно продолжаю я. – Они не в состоянии вывести Россию из тяжелей-

шего обстояния, вы видите. Потому что это невозможно совершить с глубоко спящими сердцами души. Огонь сердца души – великая правда. И благо внимать лишь ей.

Спасение не в человекообразном существе, который-де спустится с неба. А в вашем собственном внутреннем огне любви и благоговения. В возжжении его. Такой огонь в самом деле есть у меня. Но будет ли на мои попытки помочь Родине благословение Всевышнего – это не известно никому... Если нет – вы отвергните меня, или я буду растерзан народом.

Вы решили. Вы боитесь. И Президент ваш боится, которого вы вынужденно отстранили. Завтра может начаться восстание. Бойня. И это будет концом России. Попытаюсь предотвратить. Может быть, ещё не поздно.

Прежде всего: здесь не Венесуэла, а я не Мадуро. Не знаю, за что он держится: за деньги или за умозрительное рассуждение об общественном устройстве. Думаю, за второе. У меня идеи нет... —

В зале смех. Я понимаю руку. —

Это – огромное преимущество. Потому что любая идея – выдумка, ложь. Ленин выдумал коммунизм – и проиграл... —

Шум... —

– Не придирайтесь. Знаю: Маркс. Сталин силился утвердить марксо-ленинскую идею лагерями и смертями – тоже проиграл. Мадуро нужно было уйти, как только в парламенте

его противники оказались в большинстве. Не ушёл – и проиграет.

Я не буду с вами спорить. Потому что не о чем. Хотите оставаться в вашем положении? Иудейский бог ваш вам в помочь. Тотчас сажусь на самолёт – и в Бразилию. Мне там хорошо, а здесь – нет. Тем более, на таком посту. Мне – ничего не нужно. Вы меня позвали – слушайте. —

Присутствующие молчали. Лица были очень серьёзными. —

Буду искать точки соприкосновения с вами и народом. Общее с вами: я решительно против народного восстания, разграбления вашего имущества и убиения. Буду защищать вашу неприкосновенность. Проведу черту между прошлым и будущим. Награбленное останется у грабителей. Но дальше обескровливать страну и народ – не позволю. Буду суров. Не пощажу. —

Кто-то свистнул. —

Иначе не выйдет. Это раз... Решительно воспрещу новой гласности. – Два. За тридцать лет было совершено огромное число хозяйственных преступлений. Выводить этот океан мерзости на всеобщее обозрение – противно Небу. Уже разоблачали царизм, деяния Сталина, советскую власть вообще, вашего первого президента. Сознание народа пропиталось дерьмом. Действия предыдущего правителя ни оценены, ни осуждены не будут. Это очень вредно духовно...

– Цен-зу-ра-а-а! – Кто-то засмеялся.

– Уже не получится! – подержали его. —

Может и так, – не возражал я. – Новые средства связи и сборных сведений, да. Но народу потребны чистота, радостная молитва и попытки возжжения огня в сердце души. Любой ценой. А вовсе не нагнетание мерзости. Душевная грязь – она и есть первопричина распада. Русское «кто виноват?» – бред. Не всё ли равно?.. Деяния каждого из нас – проявления Закона Воздаяния, смысл которого, как и смысл деяний, постигнуть невозможно... – Никто не виноват. —

Зал заёрзал:

– О! О! О!.. —

– Да! Не виноват – никто. Благо только молить Присущее о благодати возжжения в сердце огня любви. Этим и должна быть пресловутая национальная идея. – Вот и третья. Хотя огонь сердца души не умозрительное рассуждение, а бытие., которое должно быть естественным. Существование в высшей, поистине небесной благодати...

– Кто это поймёт? – крик из зала.

– Вы правы: никто. Богатым нужно продолжать обескровливать Отечество. Бедным – бросаться на богатых и стараться поделить их имущество. Те и другие выберут для своих целей бандитов – «умных людей», как говорят.

Мне не нужны деньги и имущество. В этом я подобен Ленину и Сталину. Но, в отличие от них, я благодатно не отягощён умозрительными рассуждениями. Наконец, я просто ангел, но не заявляю при этом о своём родстве со Всевыш-

ним. —

Некоторые хихикают. —

Болезнь тяжела. Врачевали обычными лекарствами, держали страну под капельницей, пытались лечить шоком. Тем более, не помогли церковные заклинания... Можно продолжать. Но вы же видите: не помогает.

Мне нужны чрезвычайные полномочия на полгода. Приостановлю действие свода законов – конституцию, по-вашему. Постепенно буду её менять с вашей же помощью.

– Будешь стрелять? – взвизгнула какая-то дебёлая тётка, входя в суть дела.

– Не обойдётся, – спокойно ответил я. – Обязательно найдутся горячие головы в народе. Да и среди вас могут появиться те, кто предпочтёт запросить помощь НАТО в рамках известного Документа 99... Помните, да? Ха-ха-ха-ха! Это всё. Думайте, пожалуйста. —

Я уходил. Присутствующие оборачивались друг ко другу, что-то шептали и тихо матерились.

Третье междусоние

За неделю до Воскресенья

Бразилия. Праздник въезда Иисуса в Иерусалим. Раннее утро. Солнечно. Тихо. Безлюдно. Ощущение праздника, пока. Деревья эспатодии, куарезмейры и ипэ убраны соответственно алыми, фиолетовыми и жёлтыми цветами. У входа в церковь добровольные помощники раздают маленькие веточки пальм. Сажусь на пустую лавку. Благоговею. Подходят две старицы. Улыбаюсь, пропускаю в серёдку. Начинают болтать. Затываю уши. Гнусное жужжание продолжает доноситься. Понимаю: звуки проникают в сознание не только через уши, но и через череп...

Вышел на паперть. Праздник испорчен. Уйти? – Мерзость! Решил всё же добыть до конца. Заиграли электронные инструменты, давая знак входу. Я сел на своё место. Старицы перестали трепаться: началось представление. И вяло замахали пальмовыми веточками, встречая-де Жезуса. «Жезус» был достойным прообраза: солнечно улыбался – падре, в смысле, который был за Жезуса. Только чтобы посмотреть этого падре и хожу на *миссы*.

Пока «Жезус» медленно шёл в сопровождении избранных, я смотрел на лица встречающих и машущих. Не то, что тоска – боль! Отсутствие выражения, как и у трепачек-старич, если не сказать – тупость. Бабушка из хора, вышел на амвон, лезла из кожи, пытаюсь воодушевить толпу мерт-

вецов с пальмовыми веточками...

Если так холодны к Жезусу, зачем пришли? – Загадка. Понимают, чувствуют своё состояние и надеются ожить? – Может быть... Две тысячи лет назад Жезуса в Иерусалиме встречали как будто восторженно. Но общее с сегодняшними прихожанами – душевная тупость... Чтó она? – Глубокий сон души. Именно он и создаёт ощущение мертвенности, ощущения того, что человек – живой труп.

...Покойники машинообразно причащаются. Несчастный «Жезус»! Каково ему участвовать в этом хульном действе? «Жезус» однако улыбается. У него определённно есть душа. Он благодатно слепой или окоلودуховный жулик, зарабатывающий деньги?... – Надеюсь на первое.

После короткой молитвы по причастии старицы поковыляли на выход, возобновив душеубийственные беседы. Иудеи распяли Иисуса через пять дней после встречи с вайями. Старицы – через сорок пять минут... XXI век. Теперь всё происходит гораздо быстрее.

Евреев не любят как народ-предатель... На каком основании? – Предатели все, у кого душа крепко спит. И предатели не только Жезуса, Великого Пророка или, скажем, Кришны. А вообще всего и вся: страны, своего народа, планеты и себя самих. Предатели чистоты, справедливости, святости... И полагают, что Жезус придёт и спасёт... Разбежались..

«Великое Непостижимое, зачем Ты попустило мне пережить этот кошмар?» – возопил я в сердце своём.

«Для того, чтобы ты осознал качество духовного состояния человечества и написал об этом», – внушило мне в духе Предвечное.

«О, правда, как же ты страшна!» – только и нашёлся я ответить.

...На выходе из храма прихожане сдавали веточки служителям для следующего отряда распинателей. Я был счастлив, что не брал их и не участвовал тем самым в сем гнусном представлении...

Две тысячи лет назад Иисус пережил распятие один раз. А сейчас... Только в нашем храме его распнут сегодня ещё два раза... Считаем, сколько в мире церквей, сколько было подобных служб и сколько раз «верующие» уже совершили распятие... Люди, вы что, совсем не понимаете, как это страшно, и что вы вообще творите?!..

Руки прочь от духа Жезуса, нечисть!.. Бог он, не бог – другое дело. Вы ж глумитесь над одним из великих духов Земли уже третье тысячелетие. И смеете при этом что-то нудить у него, потому что он «милостивый». Понимаете ведь, что прямо просить – паскудно, и лицемерно заходите через небесных сил, деву Марию и святых... Гнусь!.. Тьфу!

Сон шестой.

Дальноглядная проповедь

Жёсткие намерения? – Да. Находясь на высокой должности на Земле, дух благодати обязан принимать порой жёсткие решения и говорить неприятное окружающим. Иначе действовать в тварном мире ему невозможно. Потом что люди хотят неизменно духовно разрушительного. И в этом противоречат внутреннему настрою ангела... Если бы хотя бы пятьдесят один процент насельников Земли возжелал просить Присносущее о благодати зажжения сердца души огнём любви и благоговения, на планете начал бы устанавливаться рай...

Москва. Сегодня я выступал по дальногляду... Простите, у вас слишком много иностранных слов... С души воротит. Я – русский.

Я там сказал, что в связи с чрезвычайным положением, править буду я. Как диктатор...

– Не страшно, что вы меня не выбрали, – говорил я. – Вот, вы оттолкнули компартию от управления страной. Полагали, что она – единственное препятствие на пути благодатного развития страны. Да, получили изобилие иностранных товаров сомнительного качества, нередко опасных для здоровья. Обрели право едва ли не безнаказанно грабить себе подобных и тем наживаться. И, в связи с этим, вспом-

ните, посмотрите, кого вы выбирали вместо коммунистов... Не бандитов ли, мошенников, ненавистников всего русского, а? И они вам на радость, кроме прочего, разрушили Россию... Вот-вот, не понимаете. Вам надо по-иностранному: де-ру-си-фи-ци-ро-ва-ли... Особо умиляет грубый алкоголик, певший с заморских голосов. Мне было до боли стыдно за вас. Не смог выдержать душевной муки и покинул Родину. Мне и сейчас стыдно... А вам – нет... Печаль...

Если вы попытаетесь быть честными сами с собой, то признаетесь, что выбирать не можете. Тем более, сейчас выборы превратились в скороморошеское действо. На ваш так называемый выбор бандиты и воры научились влиять просто сказочно. Поэтому отныне и впредь вы будете выбирать только их. Вы их рабы и останетесь ими и впредь с вашим так называемым выбором.

Сейчас большинство из вас мечтают о Сталине. Жизнь ваша ухудшается. Вам не нравится, что у кого-то получается воровать триллионами, а у вас – нет...

Да, я похож на Сталина. У меня жёсткая рука. Но я и отличаюсь от вашего любимца: у меня молитвенно бодрствующая душа... По-настоящему, а не по православному...

Я знаю, эти слова вас возмутили. Терпите ради блага Отечества и вас самих. Моя душа бодрствует потому, что в её сердце горит огонь любви к Высшему, то есть сотворившему мир, и к сущему, то есть – к творению, к вам в том числе... Никто никогда из ваших поводырей таким качеством не об-

ладал... Говоря церковно-сказочным языком, я – ангел, молитвенная размазня. Но Государственная Дума вручила мне меч. И с его помощью, и с помощью бессловной и радостной молитвы я постараюсь решить ваши нестроения.

Первое. Утверждаю потолок заработной платы в 150 тысяч рублей. На Крайнем Севере он будет иным. И пол – в 50 тысяч. Уже через месяц всем пересчитают...

Деньги? – Буду менять конституцию, отменять уже принятые законы. Прежде всего, объявляю прямо сейчас в общенародной собственности недра... —

Страну сотрясает мощное «Ура!!!» —

– Через месяц это станет законом. —

Кажется, слышу это «ура!» сквозь стены. Потому что слышу душу России. —

– У известной части общества, чувствую, уже появилось желание меня убить... Напрасно... Я действую как дух благодати: справедливо. И понимаю, что справедливость вы по большому счёту ненавидите. Потому что вы – страстные существа. Вы удовлетворяетесь *злостью* по поводу несправедливости. И – всё. Вы отторгаете рай, но с холодной душой обращаетесь к вашему богу, чтобы он окоротил других, но дал полную свободу безобразничать лично вам...

Я – не коммунист. Но ангел очень похож на коммуниста, как и дьявол – на правителей, которых вы с нездоровым упорством выбираете. Скажу правду: в глубине души вы хотите ада, получаете его – и льёте лицемерные слёзы.

Я не верю, что вы искренне хотите достаточной жизни, мира и справедливости. Я пришёл, чтобы предотвратить бунт, который уничтожит Россию. Я не дам вам сокрушить Отечество. И буду в этом жёсток, как Сталин.

А убивать моё тело не к чему. Смотрю на вас с глубокой печалью: на ваши страсти, стяжание, разврат, незаконные, небопротивное искусство... Вся жизнь ваша противоположна Небу, и церковная – в том числе.

Для меня ваши блага – мерзость. Я назначу себе заработную плату в 160 тысяч – самую большую в стране. И только затем, чтобы вы меня не презирали. Потому что уважать вы не умеете. Я буду жить в скромной квартире с обычным ремонтом. Покупать продукты стану там же, где и вы. – И лично. Готовить мне будет моя жена. И убирать в квартире – она же. Одеваться – в ширпотреб, потому что у меня вызывает рвоту ваш разврат в одежде. Для поездок буду вызывать городское такси. Обойдусь без Национальной гвардии... Два иностранных слова. Ха-ха-ха... Меня не будет опекать Народная Охрана. Потому что мне не нужна власть. И если я увижу, что она вам поперёк горла – тотчас куплю билет в Бразилию. И – прощайте. Без вас мне будет куда проще молиться и, следовательно, жить на белом свете.

Я – скромнее самого скромного из вас. У меня не будет собственности. Мне не нужны загородные дворцы. Я не буду тайно заниматься так называемым бизнесом и грабить вас через подставных лиц... Потому что я – ангел, и всё челове-

ческое мне чуждо.

Я – не царь, но нецарь... —

Моя речь произвела в духовном смысле взрыв множества термоядерных бомб. Потрясение было столь сильным, что я проснулся. Когда пошёл поссать, пришлось держаться за стены, потому что покачивало. Было похоже на лёгкое землетрясение... Я вспомнил свой сон и засмеялся. Ибо по своей значительности речь моя, возможно, не уступала Нагорной проповеди...

Может ли дух благодати править на земле? – Нет, конечно. Бесстрастный – страстными... Смешно.

Сон седьмой, о чайнике

Общество захлопало крышкой, как старый чайник. Главное, чтобы не выкипел и не распаялся. Собрания и шествия я не запрещал. Более того, отменил согласования. Все могли свободно высказываться, как по отдельности, так и соборно. И не только на кухне, а в любом месте и громким голосом. Однако, запретил делать это в рабочее время и хаять кого бы то ни было. «Хотите обсерать что-то прилюдно, – говорил я, – жоп. пробкой заткните. – Рот ваш, то есть. И выражайтесь печатно, уважительно. Привыкайте жить по-человечески».

А народ поорать горазд. Расслаблялись и оттягивались. Крику было много. Главное, как всегда, в Москве, в городе-на-Неве и Екатеринбурге. Ещё бы. Там у многих достаток снижался – у прогорклых «сливок». Злились также, что нельзя никого мазать испражнениями... «Ленин мазал стены в особняке в Горках. Но так это ж после третьего инсульта! Или вы тоже не в своём уме?» – внушал я людям. – Слушали пока, задумывались. Но не хлестать гов. ом изо рта было очень тяжело и непривычно. С малых ногтей слышали и призывали.

Мне доставалось изрядно, по большей части, слева. Беднота жаждала крови. Обвиняла в двурушничестве. Ну как же. Бандиты не лишались свободы и имущество их не от-

биралось. Как это понять?

Богачи злобно мерили шагами свои жилища, материли прислугу, жён и детей. А только понимали, что порядку, заведённому их ставленником, приходит, печатно выражаясь, конец. Чайник вот-вот взорвётся. Кого осколком насмерть, а кого обварит... «Пристрелить гада?.. – А что мы выгадаем?» – Это про меня...

Руководитель военного ведомства был мне очень не по душе. Да нет, я ничего не имею против малых народов Севера и Юга в руководстве страной. Только вот кто его выдвинул, да какую общественную организацию он создал, да сколькими наградами увесился, да сколькими бабами-генералами себя окружил... Именно генералами, а не генеральшами... Ну вот вы подумайте, бл. дь, мужики-офицеры горбатятся подчас в очень тяжёлых условиях и только при выходе на пенсию полковника получают. А при Уйшоге несколько молодых тёток с генеральскими погонями... Разве что ангел, как я, может об этом думать исключительно чисто. Я – думаю, и вам советую. Потому что грязнодумание вредно для души и вообще для здоровья.

«Этот человек будет верно служить только бандитам», – решил я. Ну так я его в этой плоскости и использую.

Главный военный сидел на гостиничном стуле в свободной позе. В «Славянке», в смысле.

– Приказываю немедленно взять под охрану все жизненно важные учреждения, а также... – Здесь я остановился

для большей значительности. – И это очень важно – жилища и прочую собственность подельников бывшего президента Российской Федерации и всех более-менее состоятельных сограждан. Пока – на ваше усмотрение. А полный список составим позже. —

Уйшог с большим удовлетворением закачал головой. —

Мы должны по возможности исключить проявления насилия. Это государственная задача. При необходимости действуйте так жёстко, как потребует обстановка.

– Что, на поражение? – Уйшог вытаращил глаза.

– Да. Вплоть до танков и авиации...

– А письменно?

– Молодец, – сказал я. Набрал, напечатал, подписал и вручил.

– Нет вопросов.

– Действуй. —

Кажется, мы расстались довольные друг другом... Кажется... Не верю!..

Поскольку так называемую русскую душу, пожив за рубежом я потерял, то чай кофейными чашечками пью, и по одной. По-честному говоря, получается, русская душа – это набор неких качеств, воспринимаемых мной как недостатки. Лично мне они мешают жить как духу благодати...

«Эх, не к добру мы в Москву приехали», – жаловался я жене. Но у неё свои понятия. Самовар вот просит купить. Самовар, особо на дровах, оно, конечно, красиво. Только за-

чем нам самовар? Дома я кипятил маленький чайник, грамм сто туда воды наливал. Он часто выкипал, чернел. Хорошо, жена на подхвате. Я смеялся и называл чайник Российской Федерацией. В Москву мы его, конечно, не взяли.

Сон Восьмой. Новогюзов с булочкой

В «Ашане» мы купили дешёвый электрический чайник. Никакого удовольствия: не поёт, собака. Только щёлкает. Я резал ломтиками крупное красное аргентинское яблоко.

– Гиезий Адрианович, тут такие перемены начались, а вы ко мне с мелочью. —

Я в самом деле обиделся. Съел дольку яблока. Мне дали помощницу. Звать Таня. Она вынуждена много времени быть в нашем номере. Мужчина угнетал бы мою жену. Таня записывает разговор. Хотя и так, будьте уверены, кому надо – всё видят и слышат. Даже, как ж. пу вытираю и цвет г. вна. Х.й с ними.

– Владимир Ильич – не мелочь, – мрачно возразил Новогюзов. —

...Я давно его не видел. Одно время у него была плохая кожа и он походил на жабу. А сейчас передо мной сидел лобастый матёрый волк, вожак стаи. Поберегись: в горло вцепится. —

– Коммунистам важно знать ваше отношение *и* к вождю мирового пролетариата, *и* к Мавзолею. Это оселок. —

– Ну-у, Гиезий Адрианович, в какие дебри вы меня зовёте.

– Мы очень любим Ленина, – ненавязчиво вмешалась жена. Новогюзов с признательностью посмотрел на неё.

– Подожди, Режина, – мягко окоротил я её. – Тут серьёз-

ное дело. —

Чайник щёлкнул. И жена занялась чаем. —

Вы, конечно, слышали: я – ангел, дух благодати, по-русски. А таковые любят и уважают всех.

– И Гитлера, – даже не спросил, а будто желая подколоть, сказал Новогюзов.

– И Гитлера, и Меченого, и Тракина ... – без исключения. —

Яблоко было, как я и любил, мягким и сладким. —

Владимир Ильич вне сомнений хотел того же, что и я для Отечества и народа. Отличие в том, что в сердце моей души горит пламя любви к Высшему и сущему. А Ленин был страстно одержим умозрительным рассуждением... —

Новозюзов всем нутром загудел от возмущения, как дровяной самовар. —

– Ни того, ни другого у меня по счастью нет. Бунта, передела собственности, суда над Тракиным и его приспешниками не допущу.

– Как?! – Изумлению Новогюзова не было предела.

– А вы пейте, господин Новогюзов, – сказала жена. – Краснодарский. Муж говорит, это единственный российский чай... Я очень люблю Россию. —

Гиезий Адрианович снова тепло посмотрел на Режину. —

– И булочка московского 16 хлебозавода... С корицей. —

Режина очень кстати изменила настрой главного коммуниста страны.

– Я не поведу страну ленинский путём. Недра России отныне будут служить её народу. Ворьё при этом наказано не будет, но получит по рукам. —

Новогюзов, прожёвывая булочку, мрачно смотрел на меня. Наконец, он глотнул чаю и сдавленно прошептал:

– Они вас всё равно уничтожат.

– Кто?

– Или те, или другие.

– Как сказать. Бандиты сейчас на чемоданах. Боятся: того и гляди всё рухнет. А народ думаю удержать от погромов силой и страхом.

– Полагаю, вы заблуждаетесь... Ну а Мавзолей?

– Да пусть стоит. Памятник. А вот с телом – нехорошо. Без церковных заморочек. Музей – так музей. Там будет лежать искусственный Ильич. —

Гиезий Адрианович поперхнулся. Режина подбежала и стала стучать его по спине. Я спокойно ел аргентинское яблоко. —

– А сам? – откашлявшись, спросил главный коммунист.

– Тело будут сохранять. Опыт продолжат. Но не в Москве, а под Екатеринбургом. —

Новогюзов подозрительно посмотрел на меня:

– Что так? Где?

– Ну, скажем, в городке Новая Ляля. Я выделю средства.

– Почему там?

– Поблизости были спрятаны останки царской семьи. —

Гиезий Адрианович снова подавился и зарычал.

Четвёртое междусоние.

Изнанка Творца

Я проснулся. Высунулся из окна. Там остервенело лаяла одна уличная собака на другую. Та не отвечала и смотрела на лаявшую с явным осуждением. Видно, в прошлой жизни была воспитанным разумным. Я заткнул уши. Лёг. Но Новогюзов не выходил у меня из головы.

Много лет назад я встречался с ним. Тогда я жил в глухой деревне. В России, в смысле. Чтобы послушать деятеля сего, проделал большой путь в областной центр. Новогюзов произвёл сильное впечатление: умный, знающий, понимающий, куда идти, кроме, как в жо. у. Но вот одного он до сих пор не понимает: народ хочет именно задницы, и как можно более глубокой и вонючей. То ли не понимает, то ли игра у этого коммуниста по жизни такая. В желании быть правителем России есть нечто нечистоплотное... Чувствую... А он хочет... Зачем? – Как Сталин, как Мадуро?..

Вытащил беруши. Собака больше не лаяла... А Новогюзов тогда меня обманул. Я ему записку передавал. Нужда у меня была. А он сказал, мол, кому не успею ответить сейчас, отвечу по почте... Соврал. Лгущих – не выношу. Как и Сталин. Потому что на них тленный мир стоит. Ложь – это смерть. Лгущий – воплощение смерти. Не только на Земле. Вообще, уничтожение бытия. Изнанка Творца.

Пятое междусоние. Разговор душ

Меня привлекают испанские старушки. В смысле, те, кто живёт в Испании. Они сохраняют стройность фигуры и привлекательность черт лица. Было бы приятно жениться на любой из них... Нет-нет. У меня очень хорошая жена. Это я так. И Бразилия, и Россия в этом смысле невыигрышно отличаются от Испании...

Бразилия. Иду в церковь. Думаю, а почему?.. – Не знаю. Хочется, чтобы в храме были ангелы. По жизни так не получается... «Кто виноват?!» – Ха, отрывка русской души. – Никто или я. Хочется выкинуть глаза...

В Бразилии шумно. Всё время затыкаю уши. Забил их серой до того, что почти ничего не слышу. – «Жить стало лучше, веселее»... А что, собственно, слушать? – Моря у нас нет. Птичек отравили – с малярийными комарами боролись, в смысле. Лес не шумит – вырубил... Как нищие орут?.. То, что они исторгают, чувственно окрашено очень неприятно для меня. Это голос их души?.. – Если душа – копролит, то да.

По обыкновению, сижу на лавке против святой Лузии. Разговариваем. Не удивляйтесь. Для того, чтобы разговаривать, не нужно ни языка, ни голоса, даже плоти. Я общаюсь таким образом со всеми, с кем хочу: и с Жезусом, и с Марией... Больше, правда, в нашем храме никого из небожителей

нет... Спасибо. Достаточно.

Людям в общении очень мешают тела, я думаю. И мне в том числе... Одна собака лает другой. От грубости или возмущения. Орёт нищий. Он хочет показать свою отсутствующую значительность в жизни. Утверждается. Но выражают ли эти звуки сущность собаки и нищего? Превратилась ли от горя и безвыходности душа нищего в кусок говн.? Окаменела ли? Истинна ли грубость собачьего лая?..

Святая Лузия отвечает: «Нет». Она права... Мы общаемся с ней напрямую, душами. Это прекрасно. Точно так же я могу общаться с той собакой и этим нищим. И оно также будет возвышенно, если... Если они будут молчать.

В существе в теле много неприятного. Это отмечают глаза. Поэтому мне часто хочется их выкинуть. В крайнем случае – закрыть. И общаться с живыми существами, как со святой Лузией – напрямую. С душами их.

Души крепко спят. Они вовсе не гов. о даже у самых отпетых негодяев. Но обращаться нужно не к телу с помощью звуков, а к этой спящей душе – духом. И она во сне будет отвечать вам, так же, как мне сейчас – святая Лузия. И это будет прекрасно. И вы поймёте, что видимый мир – наваждение. Что есть мир другой, настоящий, для восприятия которого не нужны ни глаза, ни уши... Жаль, что орущий нищий этого не понимает. Иначе ему захотелось бы замолчать и жить дальше – иначе. Его душа проснулась бы. И он перестал бы орать... И собака не лаяла бы так отчаянно...

Сон Девятый, под страстную пятницу

Россия. У председателя правительства лёгкое помешательство на почве ненависти к высоким мечтаниям человечества. «Его надо меня-а-ать, меня-а-ать», – думаю я. Шарю умом по душам известных общественных деятелей. – И не нахожу ни единого, кто был бы озабочен судьбой малого и среднего предпринимательства до такой степени, что мог бы возглавить правительство. Наугад звоню господину Михалыгину... Болтун, конечно, но весёлый человек. Важный – гражданский генерал. Жадный до работы: какой только собаки на себя не повесил – и всё мало, мало. Чую. Звоню. Представляюсь. Не сообщаю, что дух благодати – пошлёт. Говорю, диктатором назначен. Предлагаю возглавить правительство. Тот очумел. Подумает. Надеюсь, клонет: страстный.

Жадность – страсть. Человек останавливается, только когда подавится. Сдохнет, в смысле. Надеюсь, на краткое время моего правления Михалыгина хватит. Смеюсь: «Сколько они меня вытерпят? – Неделю, месяц? – Смеюсь сильнее. «Убьют? – Пошли на х.й. – Делаю зверское лицо, воображаю злобную рожу алкоголика с Калашниковым. Раздвигаю ворот рубашки... Ну, не сильно, а чтобы не порвать. Кричу: – На! На! Стреляй, сволочь. —

Алкоголик ослабливается. Вдруг обращается в медве-

дя и наваливается на меня. Я чувствую вонь его шерсти. Но не раздавливаюсь, не задыхаюсь, а только думаю:

– К добру или худу, к добру или худу, к добру или худу...

Жена трясёт меня за плечо:

– Тебе плохо?

– А что такое?

– Бормочешь что-то непонятное.

– Да нет. Дядька один русский приснился...

Шестое междусоние. Жезус умирал

Выпив обрядовый кофе, пошёл в храм пообщаться со святой Лузией...

Это уже так называемая явь. Бразилия.

Была страстная пятница... С сомнением отношусь к целесообразности действий Жезуса по принуждению иудеев к собственному распятию. И к иисусианским обычаям вообще. По обыкновению, пришёл к святой Лузии.

В такой день открыто общаться с ней неудобно. Благо уважать мечтания окружающих. Сел так, чтобы никого не смущать... Лузия – молчала!.. Я с удивлением понял, что её в храме нет. Только изображения.

Наоборот, храм полностью заполнил дух Жезуса. А я-то думал, что он давно позабыл о человечестве и вообще послал его... Жезус, однако же, был здесь. Он молчал. Всё молчало. Молчал по обыкновению шумный город. Не орал нищий. Не лаяли собаки. Не пердели оглушительно мотоциклы...

Не говорю за всех. Но частица нашего города вокруг храма святой Лузии медленно умирала вместе с Жезусом на кресте. И это не было страшно и больно. Мы переходили в другое измерение. В другую жизнь, вечную, прекрасную, настоящую. И то, что было сзади – эта безобразная карикатура на жизнь – перестало существовать. Во всяком случае, на время. Было только ощущение приближающейся блажен-

ной вечности...

Где святая Лузия?.. Она не переживала всего этого вместе с нами. У меня сжималось сердце от этого: почему?.. «Это день Жезуса», – ответила мне наконец, святая очень-очень издалека.

В субботу дух Жезуса в храме ослаб. Лузия вернулась. Мы разговаривали о том, что Правда и Справедливость не имеют пола. «Я представляю в себе их сущность, – поясняла мне Лузия, – поэтому пола нет и у меня. – Лузия легко засмеялась. – И ты так же беспол, как и святой Жералдо». —

Я обиделся. —

«Напрасно, – возразила святая Лузия. – Ты ангел потому, что лишён страсти и жаждешь только Правды небесной и Справедливости. Именно поэтому у тебя нет пола. Ибо бесстрастие и небесная Правда это одно и то же». —

И я согласился. Лузия знала и понимала меня лучше, чем я сам... Как это замечательно, какой восторг!..

Сон Десятый. Дела заебуки. ские

Пётр Петрович сказал, что не стоит играть в испорченный телефон. И препоручил меня по поводу жилища Николаю. Тоже небось коммунист.

– Что с мебелью, Икея? – позвонил он. —

В Бразилии, может... Да нет, и дома я бы не стал покупать в Икее. А уж в России, где сам воздух состоит из ненависти к русскому – и подавно. —

– Давайте на заказ. Из обструганного и некрашеного дерева...

– Белое, то есть? – удивился молодой коммунист.

– Да. Двухспальная кровать, три стула в комнате, столько же на кухне, два письменных стола – мне и жене... Успеваете?

– Пишу.

– Обеденный стол на кухню, шкафчики для посуды... Немного, мы тут ненадолго... —

Николай наморщил лоб. И подумал, что у этого деда своеобразное, весёлое мышление. – У меня, то есть. —

– Записываешь?

– Угу.

– Книжный шкаф, тумба для обуви. Две настольные лампы, ложки-вилки-ножи. Зал совещаний – по своему усмотрению. Всё.

«Наш человек, – с удовлетворением подумал Николай. – Если б не Санта-Лузия – сущий Ленин или Сталин. Ему б ещё мундир и сапоги». И вслух:

– На стену?

– Сталина и святую Лузию. Изображения дам потом. —

Я бы не стал так выпендриваться с обстановкой. Но ненависть к русскому в России резала душу... Как объяснить?... Ну, если бы вам кожу лезвием резали. Причём многожды в день... Душа кровоточила. «Главное, доделать работу, прежде чем вся кровь не вытечет», – думал я.

Тут же следующий звонок: Михалыгин согласился возглавить правительство. «У-у, жадюга. Молодец».

– Кто будет потоки денег направлять, – спросил сразу я. – Ни пахана, ни служки. —

А служкой, к слову, была тётка – Зоя Букина. Зою в Африке считали лучшей денежисткой. Только почему-то в её ведомстве деньги исчезали. Бесследно и много. Один думец грозно вопрошал однажды с трибуны:

– Зоя, где триллион?! —

Зоя поднимала плечи – не знала, мол. Сиськи дёргались вверх-вниз – и всё. Если бы не сиськи – ну сопля из детского сада. Так бы трусики задрать – да по попе... Запрос остался неудовлетворённым. И так не раз. Поэтому в народе её звали, нечётко произнося две буквы. Получалось, мгм-мгм, *Заебуки. а...* Нехорошо. Высокое должностное лицо... Впрочем, русские не уважают никого. «С этим надо решительно бо-

роться».

Зою не трогали, потому что она создавала мутную среду, в которой обильно ловились миллионы. Поэтому мы её сразу сняли. У Шуберта по этому поводу есть хорошая песня, «Форель» называется. Послушайте, кто не знает. Дитрих Фишер-Дискау поёт.

– Кого поставим, чтобы триллионы не растворились?

– Посоветуемся с *партейцами*, – уклончиво ответил Михалыгин. —

Я бы продавил, но решительно не знал – кого.

«Партейцы», однако, не потребовались. Уже через час Михалыгин звонил и сказал только одно слово:

– Ушьев! —

Подумав несколько секунд,

– Блестяще! – ответил я. – Принято. А он?

– Беру на себя, – решительно сказал Михалыгин и прервал связь.

«Левый? Как будто, но ни в какой собор не входит. Не так прост, как Гиезий Адрианович. Был в банде, но выломился... Предал? – Кто знает. Может... Хотя, что такое предательство? Чем оно отличается от нравственного роста?.. Жезус тоже возрастал и до чего дошёл – аж до распятия»...

Год, что ли, назад Ушьев прилюдно обвинил Заебу. ину в предательстве. В том, что её деятельность за четыре года нанесла ущерб России аж в 25 триллионов рублей; что правительство вообще, а не только сама Заебуки. а, вкупе

с так называемыми врагами Отечества, совместными усилиями сдерживают развитие России...

Вспомнив это, я засмеялся. Потому что при Сталине давали десятку за сбор колосков на сжатом поле. Сейчас пропадают триллионы... не колосков, а рублей, в смысле, попадают в бандитские карманы – и ничего. Никто не дёргается. Почему... Не поняли?.. Ушьева никто не останавливал. Никто не слушал. «Собака лает – ветер носит» ... Собаку окатили холодной водой молчаливого равнодушия. И она, униженная, потрусилла вон.

Обвинять – бесполезно. Бесправие. Повальная бессовестность. Подлость. Боготворение Денег и воровства. Народ любит вонючие сведения, но не такие. К примеру, бабушка украла сырок, её избили – и умерла; кто с кем из известных людей совокупляется в непредназначенные для того отверстия... – Вот это новости! А к тому, что украли 25 триллионов из общего кармана – из кармана каждого – на такое сведение русская душа отвечает полной тупостью. Нежелательные ей сведения отскакивают от голов, грудных клеток и, преодолевая земное притяжение, летят в космическое пространство к еб. ней матери... «Украли – и молодца. Значит, так нужно» ... Ушьев, дурачок, кричал:

– Могу представить доказательства! —

«Идиот? ... Обвинять ему придётся воспретить. Молча работать. Слово стоит меньше копейки... Дело, только дело... Идиот будет направлять денежные потоки?.. Хм»...

Мысль. Звоню Михалягину:

– По поводу ведомства хозяйства.

– И?

– Любого серьёзного прокурора, только не коммуниста: перегнёт палку.

– Прокурора Полуострова? – чувствую, Михалягин улыбается.

– Сказал же, серьёзно. – Я не принял шутку. – Испортит. Уронила с любовью к... —

Не посмел произнести. То ли умом повредила, вознесшись. Не всякий выдержит, да-а... Иной за всю жизнь не пройдёт столько, как она за пару лет. – Не осудишь... Михалягин молчал. —

– Только прокурор должен быть не замешанным в делах банды, – вернулся я к делу. – Иначе пропадём. За ребро подднут.

– Буду думать, – ответил Михалягин, посерьёзнев, и разъединился.

Седьмое междусоние

Я проснулся бодрым. Чувствовал, могу что-то сделать для блага человечества... В чём его благо? – Думают, в деньгах, пиве, еб. е и путешествиях... Дураки?.. А, может, правда? Это я дурак?..

Ошибка. Дураков и умных нет. Нужно идти своим путём. Правда в этом. Прав грабитель триллионов, Зоя Букина в том числе. Прав лгущий, тот же поп или глава государства. Прав упивающийся похабными звуками и изображениями. Прав восходящий в рай... Это – жизнь...

Моя душа не позволяет способствовать счастью грабящего, лгущего или упивающегося... Остаётся помогать себе самому на собственном пути. Первым сказал Бетховен. Молодец. Благо в этом. Бетховен был неверующим. Зачем мессу написал – трудно сказать. И я помогаю себе молитвами – постоянным объяснением в любви к Высшему и существу...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.